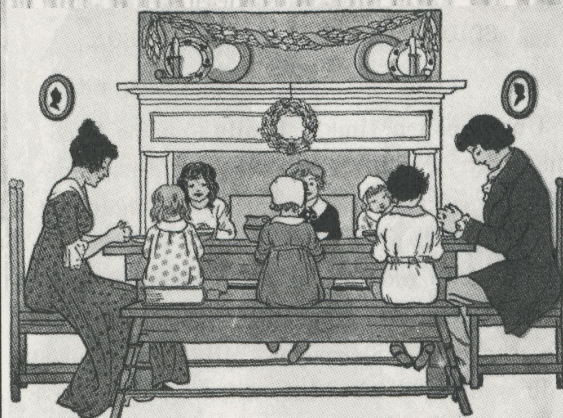

Октябрь

ЗОЛЫНЕ

и МЛАДЫЕ

5

2008

Жестокость: возмущает или радует?

Современное искусство, как в массовом, так и в элитарном его проявлениях, все чаще эксплуатирует такое сложное и неоднозначное свойство человеческой натуры, как жестокость. Не только насилие над людьми, животными, излишнюю агрессию, но и циничное «искажение» устоявшихся понятий и «неприкосновенных» тем используют в своих фильмах, спектаклях, книгах производители определенной продукции массового потребления и, увы, не только массового. Куда большее впечатление на зрителей производят работы, лежащие за гранью мейнстрима, подлинно художественные достижения, где применение агрессии как способа воздействия кажется еще более спорным.

Как относиться к этому явлению? В чем искать причины и считать ли его характерной приметой только нынешнего времени? На эти вопросы мы попросили ответить молодых журналистов в возрасте до тридцати лет, тех, кто воспитан последними десятилетиями и к кому в первую очередь обращены «щекотание нервов» и «адреналиновая подпитка».

Принято считать, что продукция подобного рода молодым в их большинстве нравится, – прививка жестокостью сделала свое дело. Не говорят ли в таком случае возмущенные их отклики о том, что воспитать привычку даже к отстраненной агрессии не так легко?

Федор ЕРМОШИН

ЖЕСТОКИЙ БИФШТЕКС

Ярославу Лермонтову

Посмотри на его лицо. Он чем-то напоминает енота. Такие, как он, боятся занозы в пальце. Такие обычно подвержены многочисленным фобиям. Но он знает, что непобедим. У него есть право убивать красиво, поднимать на смех того, кто поверил, и получать за это пальмовую ветвь. Главный принцип кино, которое он снимает всю жизнь, – эстетика, которая дразнит этику, залезает на ее территорию, но, чуть что, поддавливает нас: ребята, не путайте одно с другим. Мы играем. Это искусство. Не кровь, а кетчуп.

Формовка подобного сознания – разделенного на две реальности, – очень выгодна. За то, чтобы сбежать из одной реальности в другую, мы готовы платить больше, чем за еду. Любой ребенок знает, что все эти оптовые смерти – «фикция».

Из цикла статей по экологии русского самосознания.

Люди, кричащие "Don't shoot!", которых косит автоматная очередь, – всего лишь трехмерная иллюзия. У тебя «десять жизней» в запасе.

Потом в новостях сообщают, что опять некий человек открыл стрельбу «в реале», подсчитывают количество жертв. Это ли не эпидемия? Но в западной цивилизации, частью которой мы стали, чужая гибель – тема табуированная, ее заминают. На ее место приходят культ здоровья, идеология хрустальных зубов, миф о вечной молодости.

Ученые доказали, что современный человек должен сжигать адреналин. Тренажеры заменяют лазанье по деревьям или погоню за хищником. Вот и фильм «Техасская резня бензопилой» помогает прожить подольше, гласит наука. Этот фильм является «продуктом» для потребления, чем-то вроде отбивной. Но главный бонус резни – удовольствие от власти как для зрителей фильма, так и для его создателей (последним важен еще один фактор – деньги, которые тоже – власть). Ты сидишь в удобном кресле и хрустишь попкорном. Режут *другого*, насилуют *другую*. И показано так, что все-таки ты, а не тебя.

Достоевский, «жестокий талант» (по выражению Н. Михайловского), писал о девочке Лизе Хохлаковой, заявляющей, что она будет смотреть на казнь и «ананасный компот есть». Этот образ мог шокировать современников совмещением трапезы и эшафота. Сейчас мы ничему такому не удивляемся, нарезая новогодний оливье под кадры казни Саддама Хусейна, торжествующие, уверенные, приверженные демократии. Те, кто снимает, знают, что это видео облетит мир, ворвется в дома, размножится по миллионам окон. Человек, кто бы он ни был, гибнет где-то между всплывающими меню, при переключении с канала на канал. Человек становится точкой, пикселем, пренебрежимо малой величиной. Село, в которое посылается ракета, для военного – только скрещение координат.

Когда вышел фильм Гаса Ван Сента «Слон» (2003), его суть была мне не вполне понятна. Сейчас она кажется точным и вполне внятным слепком современного сознания. Камера следует сначала за одним героем-тинейджером, потом еще за одним и еще за одним. Над каждым словно висит марево его проблем, в которые он упрятан, как в капсулу. А затем двое школьников, объединившись, покупают в Интернете оружие и расстреливают своих одноклассников. Фильм схематичен, но это фильм-симптом. Население планеты в целом стареет, но его сознание становится все более инфантильным и капсульным. Необходимо заново воспитывать элементарное понимание, что *ему/ей больно*.

В мире все еще сосуществуют разные нравственные позиции. Те, кто помнит, что такое убить буквально и как это делается, вступают в противостояние с теми, кто вырабатывает высокотехнологичное насилие, когда жертву от зрителя (пока он еще зритель, а не жертва) целомудренно отделяет экран. В этом смысле теракт 11 сентября – это страшная, по-настоящему, а не искусственно жестокая реальность, чудовищное ее открытие.

Наши проблемы – те же проблемы Запада, удесятеренные огромными пространствами, осложненные прерывистостью традиций, изоляцией поколений друг от друга. У человекоостраны перебиты суставы.

Вот старики, прошедшие, как сквозь шпигруты, через три строя. Вот средний возраст, отчасти спивающийся, отчасти в белых воротничках. Вот подростки, растущие на «резне бензопилой». Старшее поколение не в состоянии передать целостное моральное послание младшему, хотя бы «Не убий!». Культурное наследование осуществляется только в пределах семьи. У школы нет для подобного процесса рычагов. Заповедь, которая относится к исполнению телевидением своей просветительской функции, можно сформулировать кратко: «Не смотри!». Но об этом некому напомнить. Ребенка воспитывает ящик, из которого воняет деньгами.

Если обретен элементарный комфорт (например, антенна или DVD) и достигнуто – как нам объяснили – повсеместное благополучие, тогда разрешается и «остренького». Так древние римляне теребили пером в зобу, чтобы бесконечно продолжать пиршество. Россия празднует нефтяную масленицу. Вот и щекочем душу.

В 90-е информация обрушивалась на головы лавинами. Ею захлебывались. ТВ шествовало непобедимо, как чума. Когда постоянно слышишь невыносимый шум, децибелы зашкаливают, и постепенно к этому шуму возникает привычка. Иначе ее называют глухотой. Количество заказных убийств, о которых рассказывалось в рубрике «Срочно в номер!», человеческое сознание вместить не могло, поэтому казалось, что их уже как бы и не было. Жестокость девальвировалась, как рубли. Поутру я просыпался, ел бутерброд и пил чай под рассказы «Дорожного патруля» о том, сколько убийств произошло за ночь. А если читал газету, то непременно с заголовком «Контрольный выстрел». Никто не знал, как жить, и поэтому – скорее от ужаса, чем из любопытства – смотрели все подряд.

Когда убили Листьева, по всем каналам целый день были только его портреты. То, что день траурный, черный, ощущалось повсюду – в школе, на улице. А вечером началось прямое включение из Останкино.

Три поколения собрались перед телевизором. Я забросил математику. Я помню долгое молчание в эфире. Потом за кадром зазвучала какая-то тяжелая песня и пошел видеоряд. Едут танки, военный стреляет из миномета. Чечня. И еще одно врезалось в память на всю жизнь: голова русского солдата отдельно, без тела, лежащая на грязной земле.

Через несколько лет по НТВ показали любительскую съемку, где чеченцы отрубают пальцы заложникам. Мама плакала. Мне хотелось ее утешить. Но я не знал, как утешить ее, она не знала, как объяснить то, что показывают по телеку... И то, почему этот ужас происходит, и – почему это показывают.

И так далее, и так далее.

Я не хочу цензуры. Я говорю о личной ответственности воспитателя, репортера, художника. Жестокость – это заскорузлость сердца, бесчувствие. Если мы говорим о произведении искусства, а не о «продукте» (горячие новости – тоже продукт), то искусство имеет дело с чувствами и эмоциями. Черствый художник – потеря квалификации. Тот, кто мажет одной черной краской, – плохой художник. Так же, как и тот, который мажет одной только розовой.

Время, в которое живет человек, влияет на голос, как температура по Цельсию. Шедевр, запечатлевший эпоху, – это всегда система, все элементы которой должны восприниматься в контексте целого. Важен размах, амплитуда. Жизнь сама требует нужных слов и красок. «Ад» Данте весьма жесток. Но в «Божественной Комедии» есть и «Чистилище», и «Рай».

Невозможно, к примеру, осуждать режиссера Алексея Германа за сцену в фильме «Хрусталеv, машину!», где уголовники надругались над генералом. Художник – это свидетель, во всех смыслах, иногда и в судебном. Главное, что Герман – не циник, не тот «анфан терибль», который долбит жестокостью, как молотом, в убеждении, что мозг зрителя давно уже стал наковальней. Герман обжигает нас страданием, потому что борется сам с собой и с нами и все-таки решает, что лучше знать, чем не знать.

Однако умолчания для России всегда были дороже, потому что они труднее. Достаточно вспомнить Н. Некрасова: в стихотворении «Крестьянка» вместо рассказа Матрены Корчагиной о позорном избиении хлыстом он дает всего лишь одну строку: «Легла я, молодцы...». Дальше отточия. Описание того, как староста «хлестал да приговаривал: "Ты женщина почтенная, мать пятерых детей!"», осталось в черновиках.

Другой, приближенный к нам по времени пример: насколько неохотно говорят фронтовики о том, как ходили в рукопашный. Человек, который видел настоящую кровь, не хочет ее эстетизировать. Когда С. Гудзенко пишет: «Бой был короткий, а потом // глушили водку ледяную. // И выковыривал ножом // из-под ногтей я кровь чужую», – это, по сути, немота, молчание, которое делает стихотворение великим и скорбным. Потому что сама тема располагает к немоте.

Вероятно, мир изменился. Жестокость в эпоху ее технической воспроизводимости стала продуктом. Я – один из «пикселей», которые составляют мир. Но «пиксель» все равно хочет пожалеть другого такого же и надеется на ответную жалость. Пикселей много.

Я не один.